

БИБЛИОТЕКА

**НИКОЛАЯ
СТАРИКОВА**

КЛАУЗЕВИЦ

1812 год

Библиотека Николая Старикова

Карл фон Клаузевиц

1812 год

«ЭКСМО»

1805-1830

УДК 94(47)«1812»
ББК 63.3(2)47

фон Клаузевиц К.

1812 год / К. фон Клаузевиц — «Эксмо»,
1805-1830 — (Библиотека Николая Старикова)

ISBN 978-5-04-104751-1

Великий военный мыслитель вошел в историю не только как выдающийся теоретик – автор книги «О войне». Действуя в рядах русской армии, Клаузевиц умел находить удивительно точные и выверенные решения. Книга «1812 год» написана им по горячим следам наполеоновского похода на Россию и разгрома Великой армии. Она ценна уникальным сочетанием стратегических и тактических соображений, оценок и выводов. Его умение прогнозировать ход военных действий, анализировать соотношение сил, преимущества и недостатки позиций, восхищавшее современников, и сегодня кажется непревзойденным. А искренняя симпатия к России и к русским, выраженная в публикуемых письмах, выглядит данью отнюдь не положению, но глубокому пониманию страны, с которой связаны славные страницы его биографии. Неумирающая иллюстрированная классика военного жанра – в Библиотеке Николая Старикова с предисловием известного политика, публициста, историка.

УДК 94(47)«1812»

ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-04-104751-1

© фон Клаузевиц К., 1805-1830

© Эксмо, 1805-1830

Содержание

От издательства	6
Предисловие к первому изданию 1937 года	8
Биография автора	10
Поход в Россию 1812 г.	17
Часть первая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Карл фон Клаузевиц

1812 год

© Николай Стариков – составление, предисловие
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

От издательства

Карл фон Клаузевиц – его книги и его афоризмы

Бывает же так – выражение или мысль становится популярнее самого автора. С Карлом фон Клаузевицем именно это и произошло. Его крылатое выражение «Войны – это продолжение политики иными средствами» стало широко известным – настолько, что автора его не всегда и припомнят. На этом историческая несправедливость не заканчивается. Многие из тех, для кого имя Клаузевиц намертво пришито к вышеупомятой фразе, не знают о нем почти ничего.

Исправим эту несправедливость.

Карл фон Клаузевиц был стопроцентным немцем, как свидетельствует его «ФИО». Однако известность он заслужил как военный теоретик мирового уровня. Вернее всего назвать его – военный ученый. Именно так! Блестящий офицер, прекрасно знающий теорию военного искусства и способный подтвердить ее на поле боя. Если, конечно, надо.

После разгрома его родной Пруссии Наполеоном в двух сражениях за один день (!) фон Клаузевиц продолжил преподавать принцу военную науку. Но когда потерявшая свободу и независимость Пруссия заключила союз с Наполеоном и выступила против России, он перешел на русскую службу. Патриот Клаузевиц отправился служить в ту армию, которая одна только и могла принести свободу на немецкую землю. Удивительно, но более чем за сто лет до Великой Отечественной ситуация до боли напоминала события «после 1943 года»: разгромив агрессора, русские войска пошли освобождать Европу. Как и в тот раз, так и после 1945 года, благодарности европейцев нам это не принесло.

Так что когда придет время вновь освобождать Европу от какого-либо потерявшего человеческий облик «объединителя», нам, русским, надо крепко подумать, стоит ли это делать еще раз...

Карл фон Клаузевиц по праву считается классиком военной мысли. Одним из тех, кого прочитать нужно непременно. Наиболее известное его произведение, «О войне» – большое и сложное. А вот куда более живая и нужная русскому человеку книга «1812 год» отчего-то у нас почти позабыта. Хотя издавалась она еще при Сталине. В «том самом» 1937 году... Мы воспроизводим ее текст целиком.

Книга Клаузевица – это одновременно и мемуары офицера, который прошел всю кампанию 1812 года, и рассуждения военного теоретика, дающего оценки решениям полководцев. Поначалу Клаузевица прикомандировали к прусскому генералу Карлу Пфулю, который чуть не угробил нашу армию, разделив ее на части и «посадив» основную в укрепленный лагерь. После того как Пфуля отодвинули в сторону, Клаузевица перевели к графу Палену. В его аррьергарде Клаузевиц принимал участие в сражении под Витебском. Был он и под Бородино. Однако поскольку говорить по-русски он не мог и был в полном смысле слова «немцем», то и командовать не мог. А потому в этой битве действовал не как теоретик и даже не офицер, а как обычный солдат.

И все же острая наблюдательность и глубокий аналитический ум позволили ему проследить судьбу Великой армии Наполеона от вторжения в Россию до бесславного бегства. Книга написана с немецкой холодностью. Сам же автор, прежде чем вернуться в родной фатерлянд, поучаствовал в еще одном историческом событии. Оказавшись в корпусе генерал-фельдмаршала Петра Витгенштейна, который первоначально прикрывал Петербург, Клаузевиц приложил руку к тому, чтобы пруссаки перешли на русскую сторону. В местечке Тауроген еще пока

французский союзник прусский генерал Йорк заключил конвенцию с русскими, которая стала первым шагом к восстанию в Пруссии и ее полному переходу на сторону борющейся с Наполеоном России. Так вот: переговоры с прусским генералом, носящим англосаксонскую фамилию Йорк, вел стопроцентный пруссак, офицер русской службы Карл фон Клаузевиц.

Все смешалось тогда в мире. Именно поэтому наполеоновские войны можно смело назвать Нулевой мировой войной.

Ключевой этап ее истории в изложении современника, участника событий и блестящего теоретика – у вас в руках.

Николай Стариков

Предисловие к первому изданию 1937 года

Карл Клаузевиц (1780–1831) известен своим классическим трудом «О войне», имеющимся на русском языке в нескольких изданиях. Меньше советский читатель знает Клаузевица как военного историка, так как военно-исторических работ Клаузевица на русском языке нет. Об этом стоит сожалеть, ибо Ленин относился к Клаузевицу не только как к *«одному из самых глубоких писателей по военным вопросам»* (том XVIII, стр. 197), но и считал его как *«одного из великих писателей по вопросам военной истории, идеи которого были оплодотворены Гегелем»* (том XVIII, стр. 249), как *«одного из самых знаменитых писателей по философии войн и по истории войн»* (том XXX, стр. 333). Еще в одном месте Ленин рекомендовал *«прочитать у старика Клаузевица, одного из великих военных писателей, об итогах уроков истории»* (том XXII, стр. 511). Таким образом, значение Клаузевица как военного историка в достаточной мере выявлено Лениным.

Военно-исторические работы Клаузевица охватывают главным образом наполеоновские войны. Для своего чисто теоретического труда «О войне» Клаузевиц, кроме того, собрал целых два тома разнообразного военно-исторического материала. В итоге из 10 томов полного собрания сочинений Клаузевица 7 томов составляют военно-исторические работы.

Как историк Клаузевиц отличается ясностью и простотой изложения, меткой критической оценкой военных событий, подчеркиванием влияния политических факторов на ход военных событий и талантливым изображением главных действующих лиц. Из всех его исторических работ для нас наибольший интерес представляет «Поход в Россию 1812 г.» и сопутствующий ему «Общий обзор событий похода 1812 г. в Россию». Вот почему эти работы издаются нами в первую очередь.

Клаузевиц принимал личное участие в походах 1793 и 1794 гг., еще будучи молодым юнкером. В войне 1806 г. он командует батальоном и попадает в плен; ему всего 26 лет, и он только начинает сознательно оценивать военные события. В войну 1812 г. он вступает уже вполне сложившимся военным мыслителем, имеющим не только солидную теоретическую военную подготовку, но и большой практический опыт, так как в промежуток между 1806 и 1812 гг. Клаузевиц работает вместе с группой Шарнгорста над преобразованием прусской военной системы. Он к этому времени уже стал видным работником прусского генерального штаба, блестящим военным лектором и в то же время примерным учеником известного профессора философии Кизеветтера, последователя Канта.

Клаузевиц в войне 1812 г. принадлежал к той небольшой группе патриотически настроенных прусских офицеров генерального штаба, которые эмигрируют в Россию, чтобы под русскими знаменами драться против ненавистного им Наполеона, разгромившего в 1806 г. их родину. В своих исторических работах, посвященных 1812 г., Клаузевиц из патриотических побуждений преувеличивает значение и влияние этой небольшой группы прусских офицеров. Фактически они играли роль военных консультантов, у которых русские генералы и полковники почти всегда спрашивали совета, но затем почти всегда поступали наоборот. Вот почему Клаузевиц как личный участник войны 1812 г. выступает в такой незавидной роли военного консультанта. Он не знает русского языка, что мешает ему втянуться в повседневную штабную работу, но зато у него много свободного времени, и это позволяет ему тщательно изучать опыт бесспорно самой великой войны XIX столетия, войны, в которой русская армия нанесла тяжчайшее поражение Наполеону.

Если внимательно вчитаться в страницы «Поход в Россию 1812 г.» и сравнить их со страницами труда «О войне», то со всей отчетливостью видно, что Клаузевиц свои основные теоретические воззрения базирует главным образом на основе личного опыта войны 1812 г. Такие вопросы, как взаимоотношение политики и стратегии, связь между наступлением и обороной,

формы и сущность оперативного маневрирования, взаимоотношение между пространством и вооруженными массами, сущность стратегического истощения и т. д., со страниц военно-исторического исследования 1812 г. перешли целиком и полностью на страницы такого сугубо теоретического труда, каким является «О войне». 37 ссылок на опыт войны 1812 г. мы встретим в этом труде. Клаузевиц тем самым дает блестящий пример значения изучения военной истории для выработки научного военного мышления.

Более того, мы видим, как Клаузевиц, прежде чем написать «Поход в Россию 1812 г.», составляет «Общий обзор событий похода 1812 г. в Россию». Этим он показывает, как тщательно надо изучать исторические события, сколько при этом нужно добросовестного и кропотливого труда, прежде чем выступить в печати со своей точки зрения на те или иные крупные военно-исторические события.

Клаузевиц свою работу «Поход в Россию 1812 г.» написал спустя несколько лет после самих событий. Он имел в своем распоряжении очень ограниченное количество чужих материалов и документов, и тем более достойны удивления результаты его оценки событий. К этой оценке сейчас, через сто с лишком лет, когда в распоряжении военного историка имеются груды новых документов, почти нечего прибавить с военной точки зрения. Конечно, с точки зрения политической оценки войны 1812 г. Клаузевиц сильно отстает; он не в состоянии вскрыть подлинные политико-экономические факторы, предшествовавшие этой войне и сопровождавшие эту войну. Он проходит мимо вопросов колониальной блокады, мимо боязни русских помещиков, что Наполеон отменит крепостное право, мимо народного движения, развернувшегося к концу войны и сопровождавшегося разгромом помещичьих усадеб, и т. д.

Клаузевиц избрал своеобразную форму изложения – строго историческое исследование на фоне личных воспоминаний. Труд в целом от такой манеры письма только выигрывает.

Издательство решило дополнить работы Клаузевица по 1812 г. следующими материалами: а) Портретом и биографией автора, переведенной из немецкого издания полного собрания сочинений Клаузевица под редакцией его жены Марии Клаузевиц. Эта биография стремится доказать неразрывную связь между Клаузевицем, Мольтке и Шлиффеном. Надо при этом иметь в виду, что эта биография составлена его родными, принадлежащими к придворному миру, и что целый ряд радикальных взглядов Клаузевица периода 1806–1815 гг. ими сознательно замалчивается; б) Несколькими письмами Клаузевица к его жене во время пребывания Клаузевица в русской армии; в) Пятью схемами, которые в немецком тексте отсутствуют; г) Двумя репродукциями с картин художников Верещагина и Кратке, которые иллюстрируют события в 1812 г.; д) Биографическими справками об участниках описываемых событий.

Биография автора

Карл фон Клаузевиц происходил из верхнесилезского дворянского рода. Он родился в гор. Магдебурге 1 июля 1780 г. Прадед его был приходским священником в Лейпциге, дед – профессором богословия в Галле, отец же занимал незначительную должность королевского акцизного сборщика. Он был тяжело ранен в Семилетней войне.

Имея многочисленную семью, он не обладал никакими средствами.

До 12-летнего возраста Карл посещал городскую школу, где он получил элементарное образование и усвоил начатки знаний по латинскому языку. Поэтому образование его было недостаточным, когда он начал военную службу, вступив юнкером или ефрейтором-капралом в полк принца Фердинанда в Потсдаме. Уже год спустя (1793) он отправился со своим полком на войну против революционной Франции (Первая коалиционная война 1792–1797 гг.).

Участвуя в осаде и завоевании Майнца, он так отличился при этом, что король Фридрих Вильгельм II выказал ему особое расположение. Молодой воин обратился с просьбой, чтобы его отцу при назначении пенсии было полностью сохранено его небольшое жалованье. Просьба эта была удовлетворена.

После взятия Майнца полк Клаузевица не принимал участия в больших боях 1793 и 1794 гг., а когда в апреле 1795 г. был заключен Базельский мир с Францией, он расположился гарнизоном в Нейруппине. Здесь 15-летний лейтенант имел спокойную службу и достаточный досуг, чтобы работать над продолжением своего образования. Но средства образования в этом местечке были довольно жалкие, поэтому осенью 1801 г. он с радостью отправляется в Берлинскую военную школу.

Здесь он работал под руководством подполковника Шарнгорста, который впоследствии был организатором прусской армии. Шарнгорст преподавал стратегию, тактику, штатную и артиллерийскую службу и уделял особое внимание талантливому молодому лейтенанту. Если вначале Клаузевиц приходил в отчаяние, не будучи в состоянии хорошо следить за текциями вследствие пробелов в своем образовании и недостаточных предварительных знаний, то к концу двухлетнего курса его достижения были таковы, что Шарнгорст отметил его как своего лучшего ученика. Он хвалил в нем способность к критике, скромное и приятное изложение и основательные познания в математических и военных науках. Обучаясь в военной школе, Клаузевиц, одновременно посещал также лекции в Медицинско-хирургической академии, где преподавали тогда Кизеветтер и Клапрот.

Новая полоса в жизни молодого офицера началась, когда он по выходе из школы по рекомендации Шарнгорста (которого он называл своим духовным отцом и другом) сделался адъютантом принца Августа, племянника Фридриха Великого. У него установились и всегда продолжали оставаться превосходные отношения с принцем, что было особенно важно для его развития, так как в доме сестры принца, княгини Радзовилл, он попал в общество собиравшихся там выдающихся людей. В это же время создается и его семейное счастье. Он давал уроки Марии фон Брюль, внучке саксонского министра при дворе Августа III, дочери саксонского генерал-лейтенанта фон Брюля, который в 1786 г. был приглашен Фридрихом Вильгельмом в Берлин для воспитания кронпринца. Мария, состоявшая придворной дамой при матери короля, была благороднейшим существом. Эта девушка обладала прелестной наружностью, любезным обращением, была талантлива и хорошо образована. Их знакомство состоялось в 1803 г., объяснение произошло в 1805 г., а через пять лет последовал брак. В переписке влюбленных, естественно, находит отражение это тревожное время.

3 ноября 1805 г. Клаузевиц стал штабс-капитаном. Он страстно желал войны с Францией, теперь же ему пришлось стать свидетелем разгрома своего отечества. После Иены и Ауэрштадта он пробыл две недели в плену вместе со своим принцем, который командовал тогда

гренадерским батальоном в армии герцога Брауншвейгского. Местом их заключения был сначала Нанси, потом Суаосон. Клаузевиц воспользовался случаем ознакомиться с Парижем и его сокровищами искусства.

В доме мадам де Сталь он познакомился и вступил в дружеские отношения с Августом Вильгельмом Шлегелем. После заключения Тильзитского мира оба пленника были освобождены. Они едут сначала в Швейцарию, потом в Берлин, причем Клаузевиц продолжает оставаться адъютантом принца.

На основе опыта, накопленного в 1806 г., в лице Клаузевица постепенно созревает военный критик. Плодом этого опыта были его «Известия о Пруссии в ее великой катастрофе». «Все беспристрастные люди, – пишет он там, – наблюдавшие Пруссию, в 1806 г. и ранее этого, пришли к тому мнению, что причиной ее гибели было стремление сохранить старые формы; неумеренная и тщеславная вера в них заставила позабыть, что эти формы уже лишены живого содержания. Слышался еще шум работы машин, но никто не спрашивал, выполняют ли они действительно свою работу». Но Клаузевиц рассчитывал на способности немецкого народа, которые, несмотря ни на что, он ставил не ниже французских. В своей «Книге путешествий» (дорожном дневнике) и письмах к невесте он высказывает надежду, что пробуждение сознания приведет народ к свержению чужеземного ига.

Позднее Клаузевиц все надежды возлагал на то, что король поручит Шарнгорсту преобразование армии. Когда это произошло, его сердечным желанием стало работать совместно с этим уважаемым им человеком. Весной 1808 г. он встречается с ним в Кенигсберге, где в то время находился двор, и его желание исполняется. Клаузевиц, оставаясь временно адъютантом принца, начал вместе с тем работать в канцелярии Шарнгорста, который в качестве генерал-адъютанта короля и председателя военно-реорганизационной комиссии почти единолично управлял делами армии. Задачей Клаузевица было писать статьи для журналов о новой организации армии и составить небольшую книгу о выдающихся событиях последней войны. Радостно принимается он за работу. Такие люди, как фон Штейн, подполковник Гнейзенау, майор Грольман и фон Бойен, удостаивают его своей сердечной дружбой. Конечно, ему пришлось вместе с Шарнгорстом и другими, разделявшими его взгляды, выдержать жестокую борьбу против многих лиц, которые из-за близорукости и сословного эгоизма выказывали сопротивление необходимым реформам.

После тяжелой болезни, перенесенной в январе 1809 г., Клаузевиц в феврале покидает службу адъютанта при принце Августе. Он был произведен в капитаны и переведен в военное министерство и, таким образом, должен был прекратить работу у Шарнгорста. Когда Австрия вела войну против Франции, он так же, как и Шарнгорст и Гнейзенау, страстно желал, чтобы Пруссия выступила на помощь Австрии. Хотя все обстоятельства благоприятствовали этому выступлению и Пруссия со своей 100-тысячной армией могла сыграть решающую роль, прусский меч продолжал оставаться в ножнах. Клаузевиц предвидел возможность того, что Наполеон потребует от Пруссии военной помощи против Австрии. В случае если бы она согласилась на это требование, он хотел сражаться не против своего немецкого отечества, но против Франции под знаменами Австрии.

Однако политические события сложились так, что ему не пришлось покинуть прусскую службу. После заключения Венского мира между Австрией и Францией в октябре 1809 г., когда двор из Кенигсберга возвратился в Берлин, Клаузевиц стал начальником канцелярии Шарнгорста. Когда последний вследствие недоверия к нему французов был отстранен от официального руководства военным министерством (июнь 1810 г.) и остался только начальником генерального штаба и шефом инженерного корпуса, Клаузевиц остался при нем доверенным лицом.

Будучи переведен в генеральный штаб и получив чин майора (в августе 1810 г.), он берет на себя осенью того же года преподавание штабной службы во Всеобщей военной школе. Его

работы, относящиеся к этому периоду, показывают, что он уже в это время вполне уяснил себе теорию войны, которую он впоследствии развил в своем основном труде.

В последующий период Клаузевиц, посвященный в самые сокровенные мысли Шарнгорста, разрабатывает планы войны. Важнейший из них относится к февралю 1812 г.; он имел заглавие «Три признания». В первом «Признании» он бичует малодушие, трусость и тупоумие тех, кто без серьезного напряжения надеется на лучшие времена в будущем. Во втором «Признании» он рассматривает политическое положение и говорит о невозможности доброго соглашения между Пруссией и Францией, если только Пруссия не хочет дать уничтожить себя. В третьем «Признании» он говорит о возможности и способах сопротивления. Особенно он здесь останавливается на вопросе об организации ландвера и о значении ландштурма. Какие большие силы придется напрягать врагу, чтобы обезопасить свои коммуникационные линии против ландштурма! Ненависть к врагу и любовь к отечеству побудили автора написать следующие слова: «Дело в том, чтобы за жестокость платить жестокостью, на насилие отвечать насилием. Тогда нам будет легко превзойти врага и заставить его держаться в границах умеренности и гуманности». Ссылаясь на кровопролитную гражданскую войну в Вандее во время революции, Клаузевиц указывает, что ландштурм может действовать не только в горных, но также в лесных и болотистых местностях, которые имеются в Пруссии.

Эти «Три признания» были как бы прощальным словом Клаузевица. Когда Пруссия в феврале 1812 г. все же заключила союз с Наполеоном, он, как и другие выдающиеся люди, вышел из состава прусской армии, чтобы поступить на русскую службу. В пламенных словах в опубликованном им обращении к обществу он заявил, что для него и его товарищей невозможно служить врагу своего отечества, которого они ненавидят от всей глубины души.

2 мая 1812 г. Клаузевиц отправился в Россию. Шарнгорст, пользовавшийся большим влиянием на Александра I, дал ему блестящие рекомендации. Однако он не занял штатной должности в том русско-немецком легионе, который должен был сформироваться под командой изгнанного герцога Петра Ольденбургского. Клаузевиц стал адъютантом генерала фон Пфуля, вюртембергца, перешедшего после Иены с прусской службы на русскую. В походе 1812 г. Клаузевиц участвовал в боях под Витебском и Смоленском в качестве квартирмейстера графа Палена, а потом в свите генерала Уварова в сражении при Бородино, но вследствие незнания русского языка он не мог содействовать операциям. Наконец, находясь в штабе графа Витгенштейна, он принимал участие в операциях между Двиной и Березиной и в дальнейшем преследовании французской армии. Большую заслугу он приобрел себе тем, что в декабре 1812 г. побудил генерала Йорка (который был подчинен французскому генералу Макдональду) заключить с русским генералом Дибичем договор о нейтралитете. Благодаря этому русское преследование могло теперь распространиться до прусской Вислы, и Наполеон не получил возможности оказать здесь длительное сопротивление, при наличии которого дело вряд ли могло бы дойти до Прусского восстания в 1813 г. Какой опыт извлек военный критик из своего участия в этой грандиозной кампании 1812 г., показывают его произведения.

В начале 1813 г., когда возник вопрос о проведении в жизнь планов Шарнгорста о вооруженном народе, Клаузевиц снова отправляется в Кенигсберг. Туда же прибыл из России барон фон Штейн, чтобы сделать необходимые приготовления для удовлетворения потребностей русской армии и перед заключением союза между Россией и Пруссией провести формирование ландштурма и ландвера. Представители сословий в восточной Пруссии в согласии с генералом Йорком, губернатором этой провинции, в совещании с 6 по 9 февраля приняли решение о вооружении народа, главным образом по предложению Клаузевица, и издали «Постановления относительно ландвера в провинциях на правом берегу Вислы литовской, восточнопрусской и западнопрусской».

После этого Клаузевиц находился в Силезии в прусском корпусе, где Шарнгорст был начальником штаба, а Гнейзенау – генерал-квартирмейстером. Несмотря на настойчивые

просьбы Шарнгорста, король не принял Клаузевица на прусскую службу, но русские, находившиеся в союзе с Пруссией, командировали его в штаб Блюхера.

В продолжение всего весеннего похода он был начальником канцелярии Шарнгорста, который писал ему: «Я всегда очень ценил Вас... Только с Вами я понимаю сам себя, наши идеи совпадают, и наши планы идут в неизменном направлении». 2 мая Шарнгорст был ранен в сражении при Гроссгершене и через несколько недель скончался. «Армия, государство, вся Европа, – жалуется Клаузевиц, – потеряли незаменимого человека».

Он остался с Гнейзенау на своей прежней службе. Он принимал участие в совещаниях, которые привели к сражению при Бауцене (20 и 21 мая). Даже и теперь, после прекращения военных действий, несмотря на ходатайство Гнейзенау, он еще не был принят на прусскую службу.

Между тем в это время был сформирован русско-немецкий легион и отправлен к устью Одера, где он должен был включиться в состав формировавшейся под начальством шведского кронпринца Бернадотта Северной армии. Клаузевиц состоял при легионе в качестве первого по списку штабного офицера с осени 1812 г.; теперь он вступил в его ряды. (Из этого легиона вместе с сильным британско-немецким легионом, шведской дивизией, мекленбургской и ганзейской бригадами, вольным корпусом Люцева и несколькими казачьими полками был сформирован армейский корпус, всего в составе 27 000 человек.) Им командовал граф Вальмоден Гимборн, бывший в то время русским генералом и отличившийся, по отзыву Клаузевица, военными способностями. Клаузевиц был его генерал-квартирмейстером. На последующие операции против Даву, войска которого находились под Гамбургом, Клаузевиц имел мало влияния, тем более что Бернадотт не давал Вальмодену свободы для больших передвижений. Несмотря на это, корпус действовал успешно. Даву отказался от попыток овладеть левым берегом Эльбы, ограничившись удержанием линии Лауенбург – Катцебург – Любек, позади которой он сильно укрепил Гамбург. Хотя легион не был призван на главный театр военных действий и был вынужден бездействовать, однако он продвинулся вперед и незадолго до «битвы народов» при Лейпциге прогнал французов из Бремена. В декабре Даву должен был отступить к Гамбургу. Бернадотт преследовал отступавших на Киль датчан, а Вальмоден пытался силами своего корпуса отрезать их от Шлезвига. Когда при Зеештадте, к северо-востоку от Рендебурга, произошло сражение, Клаузевиц надеялся, что датчане будут уничтожены. После того как им удалось открыть себе путь на Рендсбург он писал: «Отвратительное чувство быть близким к такому блестящему успеху и упустить его из рук». В середине февраля 1814 г. русско-немецкий легион отправляется в Нидерланды, где Бюлов и фон Винцингероде с ноября предыдущего года овладевали одним пунктом за другим. Сражений больше не происходило. В конце марта Наполеон под Парижем был побежден союзниками.

Клаузевиц получил чин полковника русской службы, а кроме того, Александр I наградил его почетной саблей и орденом. Вернувшись, наконец, в апреле 1814 г. на прусскую службу, он получил патент на чин полковника пехоты. Временно он остался при своем легионе, который был переведен на нижний Рейн. Летом этого года побед он лечился в Аахене от подагры, осенью и зимой временно командовал легионом, а в феврале 1815 г. снова лечился в Аахене.

Наступила эпоха 100 дней Наполеона. Во время короткого похода 1815 г. Клаузевиц был начальником штаба 3-го прусского армейского корпуса под командованием генерала Тильмана. Он участвовал в сражении при Линьи и во втором походе на Париж. Он не признавал некоторых ошибок, допущенных высшим прусским командованием в последней борьбе с Наполеоном, разделяя господствовавшее мнение, что самостоятельность низшего командования не должна распространяться на основные линии общего ведения дела. От всей души он радовался славной победе при Белль-Альянсе 18 июня 1815 г., опасаясь, конечно, что при недоброжелательстве союзников к Пруссии ей достанутся слишком скудные плоды победы.

Тотчас же после заключения второго Парижского мира он стал начальником штаба при генерале от инфантерии Гнейзенау, получившем общее командование на Рейне. С большим удовлетворением он проводит теперь большую работу по организации военного дела во вновь отвоеванных провинциях.

В Нассау он находился в обществе Макса фон Шенкендорфа и барона фон Штейна. Правда, Гнейзенау уже в 1816 г. подал в отставку, глубоко недовольный интригами, которые при реформе армии мешали развитию сил и талантов. Напрасно Клаузевиц старался побудить своего начальника к терпению. Преемником Гнейзенау был генерал фон Гаке, с ним у начальника штаба не установилось доверительных отношений.

Осенью 1818 г. Клаузевиц получил чин генерал-майора и по предложению Гнейзенау был назначен директором Всеобщей военной школы в Берлине. Но эта должность, которую он занимал в течение 12 лет, не удовлетворяла его. Оставалась работа в комиссии под председательством полковника фон Лилиенштерна, где он со своими разнообразными планами реформ не мог добиться самостоятельной деятельности. При таких обстоятельствах он посвятил себя главным образом научной работе, положив основание своей литературной славе, которая позднее, когда он опубликовал свои остававшиеся до тех пор в тайне труды, стала его уделом. Его произведения, главным образом военно-исторического содержания, охватывают большинство важнейших войн в Европе за период 1568–1815 гг. Он изучил труды своих предшественников, относящиеся к 130 походам. Среди разнообразных его сочинений достойна упоминания также его политическая работа под заглавием «Интриги», написанная в 1819 г. В ней он подчеркивает ту мысль, что здоровое состояние его отечества может быть достигнуто только путем исторического развития. Он не был сторонником либерализма и совершенно отвергал современное ему немецкое национальное движение. Правда, он не был совершенным противником народного представительства, но думал, что государственный совет из доверенных лиц, назначенных королем, может работать более плодотворно, чем парламент. Этот предшественник Бисмарка говорил: «Германия только мечом может достигнуть политического единства, когда одно из составляющих ее государств подчинит себе другие. Однако время для этого еще не пришло».

Далее идут последние годы жизни Клаузевица. В августе 1830 г. он был призван на высокий командный пост: он стал инспектором 2-й артиллерийской инспекции в Бреславле, но затем в ноябре, когда было подавлено в Варшаве польское восстание, он был отозван в Берлин. Нужно было принять меры против событий, которые могли вызвать это восстание в Пруссии. Гнейзенау должен был командовать мобилизованным 5-м армейским корпусом, а Клаузевиц был назначен начальником его штаба. Три месяца он пробыл в Берлине, ожидая дальнейшего развития событий. В это время он изучает военное прошлое Польши и в связи с этим уделяет свое внимание положению западной Германии, которой после июльской революции снова угрожала опасность со стороны Франции. В одном из сочинений он рассматривает вопрос о том, как должна действовать Пруссия в качестве участника большого союза против Франции, в другом сочинении он говорит о том, какую политику она должна проводить, если ей придется взять на себя главную тяжесть войны с Францией. Он требует прежде всего наступления для завоевания Бельгии. В общем, он уже тогда в своих трудах, написанных простым и убедительным языком, разработал тот вопрос, в котором впоследствии показал себя таким мастером Мольтке.

В марте 1831 г. оканчивается его пребывание в Берлине, и он отправляется в Познань в штаб Гнейзенау. Что предстояло ему до начала осени? В Польше появилась холера. Она проникла в Познань, и в августе Гнейзенау пал ее жертвой.

Клаузевиц временно принимает на себя главное командование, потом он становится генерал-адъютантом при преемнике Гнейзенау Кнезебеке. 3 октября 16 000 поляков вступили в Познань и сложили оружие. Главная квартира была ликвидирована. 7 ноября Клаузевиц вер-

нулся в Бреславль. После недели семейного счастья с супругой 16 ноября 1831 г. его сразила холера.

Дадим теперь слово о Клаузевице, учителе военного искусства, одному современному военному деятелю. Шлиффен, начальник генерального штаба армии, в предисловии к 5-му изданию произведения «О войне» пишет следующее:

«Во вступлении к 1-му изданию произведения «О войне» генерал фон Клаузевиц говорит: «Моим горячим желанием было написать такую книгу, которая не будет забыта через 2–3 года». Это желание помогло генералу добиться своей цели. Теперь, когда прошло почти столетие с тех пор, как он написал эти слова, его произведение переживает уже 5-е издание. Такая живучесть его литературного наследия, которое осталось незаконченным и которое сам автор рассматривает лишь как собрание отрывков, является знаком неизменного значения его учения. Действительно, его произведения и по форме и по содержанию – это выше всего, что когда-либо было сказано о войне.

Клаузевиц не предлагает нам никакой готовой доктрины. Он исходит из того положения, что абсолютные, так называемые математические истины в военном искусстве нигде не находят себе прочного основания. Теория, которая самодовольно стремится к абсолютным выводам и законам, должна быть отвергнута в этом акте человеческих отношений, этом столкновении крупных интересов, находящем себе кровавое разрешение. Клаузевиц так характеризует войну: «Горе теории, которая стоит в оппозиции к жизни».

Клаузевиц не оспаривает значения здоровой теории самой по себе. Его книга «О войне» вызвана стремлением привести теорию в согласие с действительной жизнью. Этим отчасти объясняется преобладание у него философского способа рассмотрения, которое не всегда нравится современному читателю. Некоторые выводы автора, особенно там, где они касаются тактических вопросов, кажутся нам не совсем понятными, так как они основаны на опыте прошлых времен. Многие, что особенно подчеркивает Клаузевиц, кажутся нам само собой разумеющимся, но и на это особенно следует обратить внимание именно благодаря его учению, из которого очень многое перешло в наши служебные уставы. Всякий из нас, кто изучает войну, еще и в настоящее время сознательно или бессознательно находится в более или менее тесной зависимости от Клаузевица, черпая из этого неиссякаемого источника мыслей.

Попытки создать теорию войны, когда она производилась другими исследователями, всегда вели в область абстракции, а не действительной жизни. Война же является ее высшим и наиболее мощным проявлением. Поэтому для войны никогда не может оказаться пригодным такое учение, которое основывается на произвольных выводах и законах, а только такое, которое применяется к бесконечному разнообразию военной жизни, как это делает теория Клаузевица, приводящая нас к тому, что каждый случай в войне должен быть рассмотрен и исследован во всем его своеобразии. Прусская, а теперь германская армия обязана вечной благодарностью выдающемуся мыслителю, пробудившему в нас это сознание. Посев Клаузевица принес богатые плоды на полях сражений 1866 и 1870–1871 гг. Превосходство нашего командования, которое там стало очевидным, имеет свои корни в произведении «О войне», на котором воспитывалось целое поколение выдающихся воинов. Вот что говорит о Клаузевице Мольтке: «Стратегия есть перенесение знания в практическую жизнь», – понимание вполне в том смысле, как учил Клаузевиц. Духовное развитие самого Мольтке происходило в тесной зависимости от Клаузевица, пока фельдмаршал не начал превосходить своего учителя.

Сохраняющееся до сих пор значение книги «О войне» заключается в ее высоком этическом и психологическом содержании, в настойчивом подчеркивании идеи уничтожения. Для Клаузевица война подчиняется высшему закону решения оружием. Ему кажется, что «уничтожение неприятельских сил всеми средствами, которые могут быть применены на войне, есть нечто, над всем повелевающее». Это учение руководит нами после Кениггреца и Седана, оно само, однако, основано на опыте великой военной эпохи начала XIX столетия.

Если уже однажды в долгий период мира, следовавшего за освободительными войнами, книга Клаузевица весьма существенно содействовала распространению среди нашего офицерского корпуса правильных мыслей о войне, то новое издание ее может иметь такое же благотворное действие».

Так изображается этот великий учитель войны, воспитатель армии, которым может гордиться современное поколение. Этот человек был серьезным работником, он отличался любовью к строгой истине и высокой добротой, это был храбрый солдат и пламенный и непреклонный патриот.

Поход в Россию 1812 г.

Часть первая

Прибытие в Вильно. План кампании. Дрисский лагерь

В феврале 1812 г. Пруссия вступила в союз с Францией против России. Та партия в Пруссии, которая еще сохраняла мужество сопротивляться и которой союз с Францией не казался безусловно необходимым, могла бы быть, конечно, названа партией Шарнгорста, потому что в Берлине помимо Шарнгорста и его ближайших друзей едва ли можно было найти человека, который не считал бы такую ориентировку за признак помешательства. Да и в прочих частях королевства можно было встретить лишь кое-где редкие следы такого образа мыслей.

Как только стало достоверно известно о заключении союза с Францией, Шарнгорст немедленно удалился из правительственного центра и отправился в Силезию, где он еще мог играть некоторую активную роль в качестве инспектора крепостей. Он хотел ускользнуть как от внимания французов, так и от противоестественного сотрудничества с ними, не порывая окончательно со своей службой в прусской армии. Эта полумера в данном случае являлась чрезвычайно разумной. Сохраняя свои связи, он еще мог воспрепятствовать некоторым пагубным действиям, а именно чрезмерной уступчивости по отношению к Франции, особенно в отношении занятия французскими гарнизонами прусских крепостей. В то же время нога его оставалась в стремени с тем, чтобы в благоприятный момент снова занять покинутый им пост. Он был чужестранец, не имевший недвижимой собственности и твердого положения в Пруссии; для короля и в особенности для аристократических кругов столицы и королевства он всегда оставался несколько чужим, а польза его деятельности еще расценивалась в то время преимущественно как очень сомнительная. Если бы тогда он окончательно ушел в отставку, то трудно сказать, призвали ли бы его снова в 1813 г.

Его ближайший друг майор фон Бойен, докладчик короля по вопросам личного состава в военном ведомстве, подал в отставку, которую он и получил с производством в чин полковника и пожалованием небольшого денежного пособия. Он намеревался отправиться в Россию.

Состоявший в то время государственным советником полковник фон Гнейзенау также оставил службу с той же целью.

Так же поступили некоторые другие лица, принадлежавшие к самым горячим приверженцам Шарнгорста и его политических воззрений, но не имевшие какого-либо значения в государственных делах. В числе их находился и автор настоящего сочинения.

Король согласился на увольнение в отставку всех этих лиц.

Автор, снабженный несколькими рекомендательными письмами, отправился в апреле месяце в Вильно, где находилась главная квартира императора Александра и генерала Барклая, командовавшего первой западной армией.

Когда автор прибыл в Вильно, он уже нашел там нескольких собравшихся прусских офицеров. Наиболее выдающимися среди них являлись Гнейзенау и граф Шазо, которые совершили вместе путешествие через Вену. Первый из них уже принял решение отправиться в Англию. Правда, он очень хорошо был принят императором, однако, по существу дела, он не без основания заключил, что для него здесь не найдется подходящей боевой деятельности. Не зная русского языка, он не мог получить ответственного командного поста. Быть прикомандированным, подобно автору и другим офицерам, к какому-нибудь генералу или к какому-нибудь корпусу на подчиненную должность не позволяли ему его зрелый возраст и чин. Таким образом, ему оставалось только проделать поход в свите императора. Что это значило или,

вернее, насколько это ничего не значило, было для него очевидно, и он чувствовал, что из такого положения ничего достойного его не получится. И без того уже главная квартира императора была битком набита знатными бездельниками; для того чтобы среди них выдвинуться своими советами и сделаться полезным, надо было бы, по крайней мере, обладать талантом опытного интригана и хорошо владеть французским языком. Полковнику Гнейзенау не доставало ни того, ни другого. Поэтому он был вполне прав, когда оставил мысль устроиться в России. Так как он уже посетил раньше Англию и встретил там благосклонный прием у принца-регента, то он полагал, что будет иметь возможность сделать больше для правого дела, вновь отправившись в Англию.

Так как он скоро убедился в Вильно, что приготовления русских далеко не отвечали грандиозности предстоявшей борьбы, то не без основания у него возникла очень сильная тревога за исход войны. Единственную надежду он возлагал на трудность завершения предприятия, задуманного французами; при этом он считал необходимым сделать все возможное, чтобы добиться диверсии со стороны Англии, Швеции и Германии в тылу у французов. Этот взгляд еще более укреплял его в его намерении совершить поездку в Англию, куда он и отбыл в скором времени.

Все вооруженные силы России на западной границе империи состояли из первой и второй западных армий и резервной армии. Первая достигала приблизительно 90 000 человек, вторая – 50 000, а третья – 30 000, всего, следовательно, около 170 000 человек, к которым надо еще прибавить 10 000 казаков.

Первая западная армия под начальством генерала Барклая, являвшегося одновременно и военным министром, стояла вдоль Немана; вторая, которою командовал князь Багратион, – в южной Литве, а резервная армия под командой генерала Торماسова – на Волыни.

Во второй линии на Днестре и Двине находилось около 30 000 человек из запасных частей и новобранцев.

Верховное командование над всеми силами намеревался взять на себя император. Он никогда не служил в действующей армии, а также не имел командного стажа. В течение нескольких лет в Петербурге генерал-лейтенант Пфуль преподавал ему основы военного искусства.

Пфуль служил в прусском генеральном штабе в чине полковника и оставил прусскую службу в 1806 г. после сражения под Ауэрштадтом, чтобы вступить на русскую службу, где он дошел до чина генерал-лейтенанта, не занимая каких-либо ответственных должностей.

В Пруссии Пфуль пользовался репутацией чрезвычайно талантливого человека. Он, Массенбах и Шарнгорст в 1806 г. были тремя вождями прусского генерального штаба. У каждого из них были свои ярко выраженные особенности, но лишь Шарнгорст засвидетельствовал на практике свои военные знания. Своеобразие Пфуля было, пожалуй, самым необычным, но в то же время трудно характеризуемым. Он был очень умным и образованным человеком, но не имел никаких практических знаний. Он давно уже вел настолько замкнутую умственную жизнь, что решительно ничего не знал о мире повседневных явлений. Юлий Цезарь и Фридрих Второй были его любимыми авторами и героями. Он почти исключительно был занят бесплодными мудрствованиями над их военным искусством, не оплодотворенными хотя бы в малейшей степени духом исторического исследования. Явления новейших войн коснулись его лишь поверхностно. Таким образом, он составил себе крайне одностороннюю и скудную систему представлений о военном искусстве, которая не могла бы выдержать ни философской критики, ни исторических сопоставлений. Если в его образовании наблюдался почти полный пробел в отношении исторической критики, а в жизни отсутствовало какое бы то ни было соприкосновение с внешним миром, то, с другой стороны, он, вполне естественно, являлся врагом обычного филистерства, поверхностности, фальши и слабости. Та злая ирония, с которой он выступал против этих пороков, свойственных огромному большинству, и создала ему главным

образом репутацию крупного таланта, соединявшего глубину и силу. По своей отчужденности и замкнутости он был совершеннейшим оригиналом, но ввиду отсутствия в нем какого-либо чуждачества таковым не считался.

При всем том прямолинейность, глубокая искренность, отвращение ко всякой половинчатости и фальши и способность к восприятию всего великого могли бы сделать его человеком выдающимся, способным также и к военной деятельности, если бы его ум, чуждый явлениям внешнего мира, не приходил в полное замешательство, как только этот мир властно вторгался в его жизнь. Автор этой книги никогда не встречал человека, который так легко терял бы голову, который с умом, устремленным на все великое, был бы побеждаем самыми ничтожными явлениями мира действительности. Это было вполне естественным последствием его замкнутого самовоспитания. Впечатлительный и мягкий по природе, он рассудочным путем выработал в себе величие во взглядах и решительность, которые были ему по природе не свойственны. Обособившись от внешнего мира, он не удосужился приучить себя к борьбе с ним в этой чуждой для него сфере. До 1812 г. условия службы никогда не принуждали его к этому. В революционных войнах он большей частью играл второстепенную роль, и лишь по окончании военных действий в качестве генерал-квартирмейстера при фельдмаршале Меллендорфе занял крупный пост. Находясь в составе генерального штаба в годы мира, он, подобно другим офицерам генерального штаба, занимался иллюзорной деятельностью и все время вращался исключительно в мире абстрактных идей.

В 1806 г. он состоял офицером генерального штаба при короле, но так как король в действительности не командовал, то и Пфуль не имел настоящего дела. После постигшей Пруссию катастрофы он с иронией внезапно начал нападать на все случившееся: он смеялся, как безумный, над поражением наших армий и вместо того, чтобы в тот момент, когда образовался огромный идейный провал, выступить вперед, проявить свою практическую дееспособность, прикрепить к еще здоровым нитям, уцелевшим от порванной ткани, новые нити, как то сделал Шарнгорст, он с чрезмерной поспешностью признал все потерянным и перешел на русскую службу.

Здесь, следовательно, его поведение дает прежде всего доказательство того, что он не ощущал в себе практического призвания к разрешению трудных задач. Самый переход свой на русскую службу он осуществил крайне неловким образом: он искал и добился службы в чужой стране, в Петербурге, как раз в тот момент, когда был послан туда с поручением.

Если бы император Александр обладал большим знанием людей, он, конечно, не проникся бы особым доверием к способностям человека, который так рано покидает побежденную сторону и при этом ведет себя столь нетактично.

В 1795 г. в главной квартире фельдмаршала фон Меллендорфа в Гохгейме Пфуль заявил: «Я уж ни о чем не забочусь; ведь все равно все идет к черту!» В 1806 г., во время своего бегства, он заявил, насмешливо снимая шляпу: «Прощай, Прусская монархия». В ноябре 1812 г., когда французская армия уже начала отступать, Пфуль заявил в Петербурге автору этой книги: «Поверьте мне, из всей этой истории никогда ничего путного не выйдет». Таким образом, он всегда оставался верен себе.

Автор так долго задержался на характеристике этого человека потому, что, как мы увидим в дальнейшем, многое с ним соприкасается, и, как тогда, так и впоследствии, ему приписывалось гораздо более значительное влияние на события, чем это вообще возможно для личности, обладавшей такими качествами.

Давая не вполне лестную оценку ума и духовных качеств этого человека, мы должны в интересах справедливости сказать, что трудно было найти более доброе сердце и более благородный и бескорыстный характер.

Пфуль был настолько непрактичным человеком, что за шесть лет, проведенных им в России, он не подумал о том, чтобы научиться русскому языку; мало того, что еще поразительнее,

ему даже не пришло в голову познакомиться ни с руководящими лицами правительства, ни с организацией русского государства и русской армии.

Император понимал, что при таком положении на Пфуля можно смотреть лишь как на отвлеченный ум и что ему нельзя поручить никакой активной роли. Поэтому он был лишь советником и другом императора, а формально считался также его генерал-адъютантом. Еще в Петербурге он составил для императора план кампании, который он теперь привез с собой в Вильно и в соответствии с которым уже были приняты некоторые подготовительные меры.

Князь Волконский. Он был первым генерал-адъютантом императора и возглавлял в административном отношении генеральный штаб. Поэтому он мог бы смотреть на себя как на фактического начальника генерального штаба на все время войны с момента принятия на себя императором верховного командования. Однако последнее не имело места, и Волконский не принимал в ведении войны почти никакого участия. Он был человек добродушный, верный друг и слуга императора.

Генерал-лейтенант Аракчеев – русский в полном смысле этого слова человек, чрезвычайно энергичный и хитрый. Он был начальником артиллерии и пользовался полным доверием императора; но так как ведение войны было делом, совершенно ему незнакомым, то он столь же мало в него вмешивался, как и Волконский.

Генерал Армфельд – пресловутый швед, всюду пользовавшийся репутацией великого интригана. Крупные вопросы ведения войны, по-видимому, и для него оставались совершенно чуждыми, а потому он не добивался назначения на какой-либо ответственный пост и довольствовался подобно Пфулю званием генерал-адъютанта, но в любое время был готов завязать интриги.

Генерал Беннигсен. Он был одним из старейших генералов русской армии; в данное же время он не был призван ни на какой командный пост, вероятно, потому, что еще помнили, как неудачно он вел кампанию 1807 г. Он находился в Вильно якобы исключительно из вежливости, так как его имения были расположены поблизости, и он поэтому считал неудобным держаться вдали от императора. Однако он, вероятно, стремился получить назначение на какой-либо командный пост.

Остальные лица военной свиты императора, среди которых, правда, было несколько генерал-лейтенантов, были еще более незначительны и не могли оказать никакого влияния на ход войны.

Из этого можно видеть, как мало император Александр подготовился к принятию действительного верховного командования. По-видимому, он ни разу не продумал этой задачи до полной ясности и ни разу формально ее не высказал. Так как обе армии пока были разьединены, а Барклай в качестве военного министра в известной степени распоряжался и второй армией, то, в сущности, понятие общего командования имелось лишь у Барклая и в его штабе. У него был начальник штаба в лице генерал-лейтенанта Лобанова, был и генерал-квартирмейстер в лице генерала Мухина, генерал-интендант и т. д. Все эти лица приступили к формальному исполнению обязанностей, связанных с их должностями; генерал Барклай ежедневно отдавал приказания, получал рапорты и донесения и т. д. У императора же все это происходило крайне нерегулярно. Большинство распоряжений он делал через Барклая, кое-что проходило через руки Волконского, и даже Пфулю приходилось несколько раз вмешиваться в дела.

Когда император прибыл в Вильно с генералом Пфулем, последний как чужеземец среди русских, смотревших на него с завистью, недоверием и недоброжелательством, оказался совершенно изолированным. Он не знал языка, не знал людей, не знал ни учреждений страны, ни организации войск, у него не было определенной должности, не было никакого подобия авторитета, не было адъютанта, не было канцелярии; он не получал рапортов, донесений, не имел ни малейшей связи ни с Барклаем, ни с кем-либо из других генералов и даже ни разу не сказал с ними ни единого слова. Все, что ему было известно о численности и расположении войск,

он узнал лишь от императора; он не располагал ни одним полным боевым расписанием, ни какими-либо документами, постоянно справляться с которыми необходимо при подготовительных мероприятиях к походу. В подаваемых им докладных записках нередко отсутствовали фамилии старших начальников, о которых он хотел говорить, и ему приходилось выходить из положения, расписывая различные должности, занимаемые ими.

Надо было быть безумным, чтобы взять на себя в таких условиях руководство военными действиями, представлявшими такую трудную задачу, как кампания 1812 г. Русская армия насчитывала 180 000 человек по самой высокой оценке, неприятельская же по самому скромному подсчету равнялась 350 000 человек, причем вождем ее был Наполеон.

Таким образом, Пфулю следовало бы либо совершенно отговорить императора от мысли о верховном командовании, либо потребовать совершенно другой подготовки и организации. Ни того ни другого он не сделал, а поступал, как поступают лунатики, о которых рассказывают, что они бродят опасными путями по коньку крыш, пока не будут разбужены и не рухнут с высоты.

В то самое время, когда русская армия на границе не превышала 180 000 человек, утверждали, что император платит жалованье из расчета армий в 600 000 человек; автор этой книги считал это утверждение насмешливым преувеличением, хотя он его слышал из уст высокопоставленного лица, а между тем это была суцая правда.

Распределение русских сил, имевшихся действительно в наличности, было приблизительно следующее:

На границе Польши и Пруссии	180 000 человек
По Двине и Днепру запасных батальонов и новых формирований	30 000 »
В Финляндии	20 000 »
В Молдавии	60 000 »
На восточной границе	30 000 »
Внутри страны новых формирований и запасных частей	50 000 »
Гарнизонных войск	50 000 »
Итого	420 000 человек

Сюда не вошли казаки. Если прибавить и эту крупную массу (впрочем, численность казаков в составе западной армии к началу войны не превышала 10 000 человек, а в течение кампании никогда не превосходила 20 000 человек), а также и армию денщиков и других нестроевых и принять во внимание многочисленные злоупотребления, которые в русской армии являлись наполовину узаконенными, а также размеры расхождения между фактической наличностью и списочным составом, то станет понятным, каким образом число 420 000 имеющихся налицо людей в армии могло возрасти до тех 600 000, содержание которых приходилось оплачивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.